

ОЧЕРКИ ТЕРСКОЙ СТАРИНЫ.

I.

ПОБѢГИ КЪ НЕПОКОРНЫМЪ ГОРЦАМЪ.

Жизнь у Шамиля.

(1832—1859 гг.).

Изъ слѣдственныхъ и судныхъ дѣлъ мы можемъ совершенно ясно себѣ представить, какіе разбойничьи подвиги совершали въ нашихъ предѣлахъ бѣглые казаки. Мы знаемъ также, какъ окончило большинство изъ нихъ свою буйную жизнь. Но про ихъ существованіе у горцевъ, нравы и обычаи Чеченцевъ, наконецъ, про какіе либо замыслы Шамиля и его набобовъ наши архивы даютъ пока самыя неполныя и отрывочныя свѣдѣнія*). Каждый пойманный или добровольно явившійся изъ бѣговъ казакъ подвергался у насъ на Линіи допросу; но на вопросъ: „не знаешь ли чего особеннаго о горцахъ и вообще, что могъ замѣтить, находясь у нихъ“—все казаки говорили: „знать ни-

---

*) Источники: приказъ по Кавк. Линейн. войску 1839 г. № 55—о казакѣ Матукѣ Мазавовѣ. 3 стола Войсков. Дежурств.—дѣла: 2 св. № 3—№ 156 о казакѣ Хурановѣ. 1841 г.; 3 св. № 8—№ 112 о казакѣ Иванѣ Фроловѣ 1841 г.; 4 Прик. по Кавк. лин. войску 1842 г. № 25 о казакахъ Матвѣѣ Богоевсковѣ и Иванѣ Кулаковѣ. 3 стола Войск. Деж. дѣла: 5 св. 11—№ 202 о казакахъ Байрамѣ Эржеловѣ и Курманъ-Али-Таштемировѣ 1842 г.; 6 св. 10—№ 190 Зотъ Черинъ 1843 г.; 7 дѣло I ст. св. 3—№ 148, о казакѣ Александрѣ Голаевѣ 1843 г. Дѣла 3 ст. 8 св. 10—№ 165—Гулаевъ, Свпткинъ и Андреевъ 1844 9 10—188—Вавиловъ 1845, 10 св. 17—392 Иванъ Архиповъ 1852. 11 св. 20—дѣло 512 Амакай Асановъ 1854 12 св.—№ 495 Капланъ Ализаевъ 1854 13 св. 22—№ 620 Шамшадонъ-Бухаровъ 1857 14 св. 22—№ 601. Лука Кудрявцевъ 1857 15 св. 24—№ 691 Несторъ Доспѣевъ 16 св. 25—№ 741 Федоръ Назаровъ 1859 17 св. 24—№ 657 Игнатъ Черновъ 1859 и другіе дѣла и приказы.

чего не знаю, вѣдать не вѣдаю". Трудно предположить, чтобы они были искренни. Казаками руководило вѣроятнѣе всего или нежеланіе выдавать тѣхъ, кто имъ оказывалъ, хотя временно, гостепрѣимство, или, быть можетъ, боялись они подвергнуть себя или своихъ близкихъ кровной мести туземцевъ. Какъ бы то ни было, но пребываніе казаковъ у Чеченцевъ проливаетъ очень мало свѣта на нравы и обычаи горцевъ того времени и на участіе нашихъ бѣглецовъ въ дѣйствіяхъ противъ насъ въ скопищахъ Шамиля и его наибовъ.

Вотъ что можемъ мы рассказать про жизнь въ горахъ.

Бѣжавъ изъ станицы, казаки стремились къ Тереку. Переправа черезъ рѣку являлась первымъ труднымъ испытаніемъ для бѣглецовъ. Во первыхъ—можно было всегда наскочить на секретъ, попасть подъ ружейный огонь или утонуть. Во вторыхъ—сама рѣка, какъ препятствіе, требовала извѣстныхъ усилій. Нѣкоторые переплывали Терекъ на лошадахъ; другіе захватывали чей нибудь каюкъ и не только переправлялись на другой берегъ, но совершали довольно продолжительное путешествіе по водѣ, подымаясь даже и по Сунжѣ. Излюбленными мѣстами для переправы служили окрестности станицы Николаевской, поста Аксинскаго и Новаго-Юрта.

За Терекомъ бѣглецамъ уже было свободнѣе. Но встрѣчи съ Чеченцами являлись также далеко не безопасными. Горцы открывали обыкновенно огонь первыми, завидя казаковъ и не зная съ какими намѣреніями они являлись на Чеченскій берегъ. Поэтому наши дезертиры старались прежде всего добраться до ближайшаго непокорнаго аула и объявиться кому либо изъ Чеченцевъ, славящагося на Линіи, какъ посредникъ между казаками и горскими властями. Особенною популярностью въ станицахъ пользовались въ описываемое нами время мулла Нуръ-Магома, Хаджи-Ханъ, Вамегжи, Трамъ, Амма, Магометъ, Бирюкъ и др.

Съ тѣхъ поръ, какъ Шамиль прочно утвердилъ свою власть, онъ завелъ строгіе порядки. Каждый Русскій дезертиръ изъ передовыхъ ауловъ, подъ конвоемъ, непременно, доставлялся къ одному изъ наибовъ (Талхикъ, Али-Ахметъ, Суэсипъ, Мула Шуаипъ и др.), которые и рѣшали ихъ судьбу. Однихъ сразу принимали, какъ полноправныхъ людей, другихъ давали на поруки нѣкоторымъ Чеченцамъ, а преимущественно Русскимъ дезертирамъ, наконецъ, третьи обезоруживались и даже заковывались въ цѣпи. О бѣглецахъ послѣдней категоріи собирались справки, что дѣлалось весьма скоро и достовѣрно при помощи существовавшихъ тогда непрерывныхъ сношеній между Чеченцами и казаками. Чѣмъ болѣшимъ числомъ преступленій на Линіи сопровождался побѣгъ, тѣмъ желаннѣе принимался дезертиръ. Прошлое казака

на Линіи служило мѣриломъ его благонадежности для горцевъ. Быть можетъ, именно поэтому, совершивъ побѣгъ, и старался казакъ обогреть свою руку преступленіемъ. Онъ обезпечивалъ этимъ свою будущность въ горахъ и вмѣстѣ съ тѣмъ отрѣзывалъ себѣ путь отступленія на родину, боясь припадка слабости въ минуты тоски по станицѣ.

Дезертиры распредѣлялись по ауламъ. Наболѣе надежные изъ нихъ даже были собраны Шамилемъ въ одномъ поселеніи, въ оврагѣ, недалеко отъ Дарго. Въ 1852 году въ этой деревнѣ жило 150 человекъ, изъ которыхъ десять женатыхъ, имѣвшихъ дѣтей. Всѣ они получали отъ Шамиля паекъ и занимались мирнымъ трудомъ, по преимуществу земледѣліемъ, воздѣлывая для Имама кукурузу и приготавливая запасы сѣна. Другіе работали въ горахъ въ желѣзномъ рудникѣ, открытомъ въ 1851 году однимъ бѣглымъ фельдфебелемъ. Вскорѣ однако руда изсякла, и на заводѣ стали дѣлать ракеты, чѣмъ занимался бѣжавшій изъ Тифлиса солдатъ. Но боевыя ракеты рвались на мѣстѣ, и только сигнальныя удавались мастерамъ. Часть Русскихъ Даргинскихъ переселенцевъ работали на пороховомъ заводѣ, устроенномъ Шамилемъ въ Дарго около рѣчки. Главными мастерами были какой-то Арабъ и бѣглый Татаринъ-солдатъ изъ Казани. Наконецъ нѣкоторое число дезертировъ служило въ Шамилевской артиллеріи.

Бѣглые казаки расселялись по ауламъ, и въ Дарго ихъ жило только 3—4 человекъ. Чеченцы вообще къ тяжелой черной работѣ неспособны и очень цѣнили тѣхъ безропотныхъ казаковъ, которые не были созданы для хищничества и разбоевъ. Такіе бѣглецы всегда находили въ аулахъ заработокъ и часто переходили изъ рукъ въ руки отъ одного хозяина-Чеченца къ другому. Ихъ работа, насколько можно судить по имѣющимся даннымъ, носила характеръ найма и была чужда крѣпостной зависимости, чтò несомнѣнно существовало у Чеченцевъ по отношенію къ Русскимъ плѣннымъ. Побѣги этой категоріи казаковъ участились съ 1852 года, когда казаки въ своихъ взглядахъ на вольность уже значительно измельчали и когда нравы на Линіи замѣтно смягчались.

Въ гораздо худшемъ положеніи находились тѣ бѣглецы, которые являлись въ глазахъ горцевъ неблагонадежнымъ элементомъ. Увлеченный въ 1844 году въ побѣгъ изъ Червленной станицы казаками Михѣемъ Гуляевымъ и Тимофеемъ Свиткинымъ, малолѣтокъ Анисифоръ Андреевъ, черезъ двадцать дней послѣ прибытія въ аулъ Узун-талла, началъ сильно тосковать по родному дому и не разъ плакалъ. За проявленіе такой слабости его поручитель, Гуляевъ, ругалъ его, билъ и содержалъ въ цѣпяхъ вмѣстѣ съ плѣнниками. Подобные Андрееву дезертиры не представляли для Чеченцевъ особенной цѣнности. Къ труду

они не были способны, выкупа ожидать за нихъ нельзя, такъ какъ возвращеніе на линію сопровождалось съ неминуемою карою. Поэтому жизнь такихъ бѣглецовъ была далеко не завидна.

Въ горахъ бѣгле казаки имѣли полную возможность не только получить у горцевъ полноправіе, но семью и безбѣдное существованіе: стоило только принять Исламъ. Судя по той свободѣ и довѣрію, которыми пользовались казаки у Чеченцевъ, большинство, конечно, переходило въ Магометанство. Но, отрѣкаясь отъ вѣры отцевъ, бѣглецы очевидно смотрѣли на это, какъ на практическую необходимость, притомъ совершенно временнаго характера. Въ своемъ отклоненіи отъ Христіанства возвратившіеся на Линію не сознаются и не выдають товарищей. Лишь Алпатовъ, да Корчагинъ и немногіе другіе, имѣвшіе слишкомъ много баласту на совѣсти, дерзнули публично признаться въ принятіи Ислама.

Къ казакамъ-хищникамъ и отступникамъ въ высшей степени благоволилъ Шамиль и всячески выказывалъ имъ свое расположеніе. Бѣжавшій въ горы въ 1842 году казакъ Филать Алешечкинъ поселился въ аулѣ Чалы съ Михѣемъ Корчагинымъ и Зотомъ Черинымъ. Въ это самое время Шамиль отлилъ три пушки, собралъ всѣхъ надежныхъ Русскихъ дезертировъ, пошелъ походомъ въ землю Чаберли. Три эти казака были подчинены наibu изъ Тавлинцевъ Нуръ Магомету. Во время битвы наибъ былъ убитъ Чаберлинцемъ, въ свою очередь пораженнымъ на смерть Зотомъ Черинымъ. Объ этомъ узналъ Шамиль и вытребовалъ по окончаніи похода къ себѣ трехъ казаковъ, обласкалъ ихъ, обѣщалъ награждать и позволилъ жить, гдѣ пожелаютъ, но посоветовалъ быть осторожнѣе. Прощаясь, казаки по обычаю поцѣловали ему правую руку и обѣщались служить вѣрою и правдою. Затѣмъ Алешечкинъ, Черинъ и Корчагинъ пошли въ Чали, откуда черезъ два мѣсяца были вытребованы къ пятисотенному старшинѣ на поляну Тохчирсу. Тутъ отъ имени Шамиля, старшина навѣсилъ на нихъ медали. Казаки отправились въ Дарго благодарить Шамиля. Имамъ милостиво ихъ принялъ, снова обласкалъ и подарилъ изъ рукъ своихъ по куску кумача.

Но, отступивъ даже отъ вѣры и пользуясь милостями Шамиля, бѣгле казаки не могли все-же въ душѣ примириться съ новою жизнью. Ихъ тянуло къ своимъ. Многіе воровски прокрадывались въ станицы и навѣщали женъ. Другіе тосковали по Русской пищѣ и являлись въ станицы для воровства хлѣба, а главное чихиря. Тимофей Свиткинъ, Наумъ Вавиловъ и Филать Алешечкинъ совершили въ 1845 году смѣлый набѣгъ въ Щедринскую станицу, чтобы полакомиться чихиремъ.

Какое-то неосторожное ихъ дѣйствіе вызвало тревогу, станица всполошилась, и раненый въ ногу Алешечкинъ былъ пойманъ.

Тоска по родинѣ вызываетъ общеніе съ другими себѣ подобными бѣглыми казаками и солдатами-дезертирами. Въ большіе праздники, а именно на Рождество, Пасху и въ Царскіе дни, они собираются вмѣстѣ. Такъ въ 1856 году „много солдатъ, Донскихъ и линейныхъ казаковъ, до ста человѣкъ, сошлись на Пасху въ аулѣ Нурки, гдѣ пили водку и брагу и имѣли разговоры“. Эта потребность къ общенію со всѣми особенно знаменательна, принимая во вниманіе, что многіе бѣглые обзаводились новыми Магометанскими семьями.

Не желавшіе работать у Чеченцевъ должны были изыскивать себѣ средства къ жизни набѣгами на станицы для воровства и грабежа, а преимущественно для скота и конокрадства и захвата Русскаго населенія, съ цѣлью извлечь пользу изъ выкупа или продажи плѣнныхъ въ рабство Чеченцамъ. Какъ совершались эти набѣги, достаточно выясняетъ жизнь Алпатовъ и его шайки.

Яшка Алпатовъ.

(1842—1856).

1.

При Грозномъ царѣ Іоаннѣ Васильевичѣ неудержимая сила влекла во всѣ стороны охочихъ энергичныхъ людей къ расширенію земли Русской. Тѣ идеалы и желанія, въ которыхъ открыто не осмѣливалось признаваться правительству, осуществлялись на дѣлѣ вольницею, назвавшею себя казаками.

Слабое тогда государство Россійское часто отрекалось отъ солидарности съ Кавказскими казаками, предоставляло ихъ судьбѣ и не брало отвѣтственности за ихъ поступки и дѣйствія.

Лишь позднѣе, почувствовавъ въ себѣ достаточную мощь, для борьбы съ Турціею и Персіею, правительство наше признало станицы на Терекѣ за рубежъ своей земли, приняло казаковъ подъ свое покровительство и поняло необходимость укрѣпить пограничную полосу.

Устройство Кавказской линіи является актомъ великой государственной мудрости. Основаніемъ ея явились станицы осѣвшей вольницы. На подкрѣпленіе ей были двинуты переселенцы изъ внутреннихъ губерній, а преимущественно казаки съ Дона и Волги. Все это были

Русскіе люди, которые, осѣдая на новомъ мѣстѣ, приносили свои нравы и обычаи. Держа въ одной рукѣ мечъ, большинство принялось другою за плугъ и прикрѣплялось къ землѣ. Прикрѣпленіе это вызывало любовь къ новой кормилицѣ и рождало сознание необходимости отстаивать каждую пядь земли отъ врага. Земледѣліе создавало идею обороны, которая была такъ необходима правительству.

Но на Линію шли не одни земледѣльцы. Множество народа устремлялось сюда, убѣгая отъ крѣпостного права и упорнаго и тяжелаго труда, мечтая о другихъ идеалахъ, а именно о вольной жизни. Эта категорія представляла собою избытокъ энергіи Россіи, искавшей выхода на просторъ пограничныхъ рубежей, шедшихъ сюда для продолженія дѣла первыхъ казаковъ. Но времена уже измѣнились. Теперь Россія не могла уже даже смотрѣть сквозь пальцы на активныя дѣйствія казаковъ. Запрещая имъ наносить вредъ горцамъ, правительство тѣмъ самымъ удерживало и послѣднихъ отъ нападенія на наши предѣлы.

Такимъ образомъ, развивая всячески среди казаковъ идею о необходимой оборонѣ, государство наше должно было одновременно стремиться обуздать свою вольницу и остановить самовольные порывы казаковъ впередъ. Но обуздать эту вольницу было не такъ-то легко. Столкнувшись съ природою, поощрявшею своими лѣсами и горами къ беспредѣльной дѣятельности, а главное, войдя въ соприкосновеніе съ горными народами, не признававшими никакой власти, казаки не могли не понять всей прелести вольной независимой жизни. Они незамѣтно для себя приняли не только костюмъ горцевъ, но обычаи и идеалы. Правительству предстояла трудная задача перевоспитать свой буйный и пылкій элементъ.

И надо признаться, государство Россійское повело удивительно умѣло свою политику съ казаками. Не имѣя возможности остановить нежелательныя ему дѣйствія казаковъ какими либо существенными мѣрами, оно на первыхъ порахъ старалось создать общины, имѣвшія самоуправленіе и отвѣтственныхъ выборныхъ старшинъ. Послѣдніе конечно могли ручаться только за огульный образъ дѣйствій общины, но не въ силахъ были остановить отдѣльныхъ смѣльчаковъ въ ихъ личныхъ предпріятіяхъ. Всѣмъ этимъ общинамъ правительство придаетъ военную организацію, называя „войскомъ“: Гребенскимъ, Аграханскимъ, Терскимъ, Кизлярскимъ... Затѣмъ съ теченіемъ времени „войско“ постепенно принимаетъ фізіономію и названіе „полка“, что вносило въ существованіе уже понятіе о вполнѣ законченной военной части. Наконецъ, въ 1832 году, сознавая необходимость объединенія всѣхъ этихъ линейскихъ полковъ въ одно цѣлое, не столько въ военномъ,

сколько во внутреннемъ отношеніи, правительство создаетъ Кавказское Линейное войско и ставитъ во главѣ его наказного атамана.

Собственно этимъ актомъ былъ поставленъ конецъ вольности жившихъ на Терекѣ казаковъ. Больше уже не могло имѣть мѣста проявленіе своеволия. Каждое такое выступленіе могло быть усмирено. Для этого достало бы и силъ и средствъ.

Въ тяжеломъ положеніи очутились тогда тѣ казаки, которые не признавали прелести въ дѣйствіяхъ противъ горцевъ, въ отрядахъ, гдѣ все было подчинено распоряженію власти. Не было больше простора для инициативы, а главное получалась почти полная бездоходность въ тѣхъ предпріятіяхъ, которыя прежде такъ поддерживали хозяйство казака. О широкихъ грабежахъ не могло быть и рѣчи. Съ высоты атаманской власти раздалось грозное: „Линейный казакъ не хищникъ, а воинъ Христовъ“.

Между тѣмъ энергіи было еще много. Къ жадѣ своевольничать примѣшивалось сожалѣніе о временахъ былыхъ, объ отнятой вольной жизни. У многихъ предпримчивыхъ натуръ явилось озлобленіе къ власти. И вотъ открывается новый клапанъ для казачей энергіи: *побѣи къ непокорнымъ горцамъ и война противъ своихъ*. Дѣйствіе ужасное съ нашей національной точки зрѣнія, вызывавшее перемѣну вѣры, разрывъ съ прошлымъ и постоянное угрызеніе совѣсти. Но съ точки зрѣнія казака въ этомъ порывѣ много извинительнаго и понятнаго. И къ памяти этихъ послѣднихъ борцовъ за свободу, въ большинствѣ положительныхъ свои буйныя головушки на плахѣ, казаки относятся до сихъ поръ снисходительно и доброжелательно. Объ этихъ послѣднихъ Моги-канахъ вольности сейчасъ и поведемъ мы рѣчь.

2.

Въ концѣ сороковыхъ и въ первой половинѣ пятидесятыхъ годовъ особенно плохо приходилось жителямъ Наура и окрестныхъ станицъ. Война не особенно пугала казаковъ и не слишкомъ разоряла ихъ. Къ ней привыкли, какъ къ неизбѣжной необходимости; но утомляла казаковъ невозможность спокойно работать. Горцы, какъ дикія кошки, переправлялись на нашу сторону небольшими шайками, грабили и разбойничали. Приходилось всѣ полевыя, а въ особенности садовыя работы, производить съ ружьемъ за плечами. Въ особенности стало тяжело, когда въ набѣгахъ горцевъ приняли участіе наши бѣглые казаки: Филать Алешечкинъ, Зоть Черинъ, Иванъ Фроловъ, Наумъ Вавиловъ, Михѣй Гуляевъ (онъ же Корчагинъ), а въ особенности

Яковъ Алпатовъ¹⁾. Отрѣзавъ себѣ преступленіями путь къ возврату на родину въ станицы, бѣглецы эти совершенно сроднились и сблизились съ Чеченцами, и образовывали совмѣстно съ ними хищническія шайки. Отлично зная ходы и выходы въ станицы, нравы и обычаи казаковъ, они являлись проводниками и главарями всѣхъ партій. А атаманомъ всѣхъ этихъ бѣглецовъ сталъ Алпатовъ. Населеніе настолько его боялось, что долгое время бабы именемъ его пугали дѣтей; скажутъ: „Яшкѣ отдамъ“ или „Яшка идетъ“, и присмирѣтъ малышь.

Началь свою дѣятельность казакъ Наурской станицы Моздокскаго полка Яковъ Алпатовъ воровствомъ телушки у сосѣда въ 1842 году. Онъ попался въ кражѣ и былъ высѣченъ въ станичномъ правленіи. Самолюбивый казакъ не вынесъ порки и по примѣру многихъ—бѣжалъ къ непокорнымъ Чеченцамъ. Тутъ онъ сейчасъ же сошелся съ тремя бѣглыми, Филатомъ Алешечкинымъ, Зотомъ Черинымъ и Михѣемъ Гуляевымъ (Корчагинымъ), которые и приняли его къ себѣ въ товарищи²⁾. Съ Черинымъ, двумя Чеченцами и бѣглымъ солдатомъ-Полякомъ совершилъ Алпатовъ свой первый набѣгъ, переправившись черезъ Терекъ у поста Нижнепрогоннаго. Въ окрестностяхъ Червленной шайка захватила четырехъ пасшихся лошадей, но, попавъ подъ огонь секретныхъ казаковъ, бросила добычу и только съ большимъ трудомъ спаслась. Быть можетъ, эта неудача, а вѣрнѣе тоска по семьѣ, заставила скоро Алпатова стремиться въ станицу. Родные исхлопотали ему у начальства прощеніе.

Алпатовъ вернулся домой къ женѣ и двумъ дѣтямъ, но сталъ совершенно другимъ человѣкомъ: часто загуливалъ, съ начальствомъ держалъ себя какъ-то вызывающе и ходилъ хмурый, всегда погруженный въ какую-то думу. Разговаривать сталъ казакъ мало, хотя и былъ по природѣ человѣкомъ общительнымъ и живымъ. Попробовалъ, значитъ, казакъ вольной жизни и сталъ тосковать по природѣ. А тутъ, слыша рассказы о прошлой свободной жизни казаковъ, сопоставлялъ онъ съ нею все болѣе и болѣе усиливающийся гнетъ начальства. Трудно Алпатову было смириться передъ не всегда справедливыми властями.

Вскорѣ настроеніе и думы Алпатова выплыли наружу. 1845 годъ былъ весьма урожайный, а потому осеннихъ свадебъ было очень много. Пируя въ числѣ гостей на одной вечеринкѣ, Алпатовъ вмѣстѣ съ дру-

¹⁾ Дѣла 3 стола Войскового Дежурства: 1) Связка 10 № 184; 2) Св. 10 № 190; 3) Св. 8 № 112, 4) Св. 10 № 188, 5) Св. 9 № 165 и 6) Рассказы и преданія объ Алпатовѣ, записанные въ 1910 году сотникомъ Харитоновъ Михайловичемъ Мельничковымъ, послужившіе основаніемъ настоящему очерку въ почти неизмѣненной, но только нѣсколько дополненной архивными данными редакціи.

²⁾ Арх. Войск. Дежурства 3 стола Св. № 8, дѣло № 112.

гими плясалъ, пѣлъ и веселился. Всѣ, согласно обычаю, сидѣли въ шапкахъ. Въ папахъ былъ и Яшка. Въ самый разгаръ веселья пришелъ и станичный начальникъ Ѳедоръ Ивановичъ. Всѣ встали, обнаживъ головы. Въ папахъ остался лишь одинъ Яшка. Всѣмъ присутствующимъ стало не по себѣ. Вѣдь въ тѣ времена поступокъ Алпатова считался большимъ преступленіемъ. Покоробило и станичнаго начальника, который долженъ былъ конечно поддержать свой авторитетъ. Властный взглядъ, брошенный на Яшку, а потомъ на гармониста, заставилъ послѣдняго остановиться. Все сразу стихло. Парни робко жались по угламъ, всѣ ждали бури. Послѣ небольшого, неловкаго для всѣхъ затишья, начальникъ подошелъ къ Яшкѣ, а потомъ сказалъ: „А ты, бродяга, не хочешь снять шапки?“ И звонкая пощечина огласила казацкую хату. Яшка не моргнулъ даже глазомъ; онъ, стало быть, шелъ на это. Потомъ, молча, закинувъ руку назадъ, выхватилъ Алпатова изъ за пояса пистолеть и въ упоръ направилъ въ голову своего обидчика. Но, подержавъ немного оружіе, онъ сказалъ: „Не тебя, а твоихъ дѣтей жаль; живи пока!“ И, пользуясь всеобщимъ ужасомъ и изумленіемъ, Алпатовъ быстро шмыгнулъ изъ хаты. На улицѣ раздался пистолетный выстрѣлъ. Всѣ поняли протестъ Яшки противъ начальства.

Въ ту же ночь Яшка уворовалъ двухъ лошадей у командира полка полковника барона Аминова и скрылся съ ними въ горы. Начальство поняло свою оплошность и подрывъ престижа власти, а потому поспѣшило арестовать станичнаго начальника на недѣлю за непринятіе должныхъ мѣръ къ пресѣченію бѣгства Алпатова¹⁾. Но это дѣлу конечно не помогло. Лазутчики вскорѣ донесли, что Яшка за Терекомъ. О немъ забыли, но впрочемъ не надолго.

3.

Въ ночь подъ 8 Апрѣля 1845 года²⁾ бѣглые казаки Филать Алешечкинъ, Тимофей Свиткинъ, Зотъ Черинъ, Яковъ Алпатовъ и пять Чеченцевъ захватили недалеко отъ Наурской станицы нѣсколькихъ лошадей и быковъ. Возвращаясь съ добычей и переправляясь черезъ Терекъ, шайка наскочила на казачій секретъ. Выстрѣлы заставили хищниковъ бросить воловъ на островъ посреди Терека, а съ лошадьми ускользнули въ горы. Но съ дороги Черинъ вернулся для розыска утеряннаго кинжала и постолета и попался вмѣстѣ съ тремя Чеченцами въ руки преслѣдовавшихъ шайку казаковъ. Онъ былъ доставленъ въ

¹⁾ Приказъ по Моздск. полку 1849 года № 6 Св. № 5 Дѣло № 34.

²⁾ Ар. 2 стола Войск. Деж. Св. № 10 дѣло № 190.

Науръ, судимъ военнымъ судомъ и разстрѣлянъ въ Червленной станицѣ при собраніи со всѣхъ станицъ Гребенского полка служащихъ и неслужащихъ казаковъ по двадцати пяти человѣкъ*).

Объ участи Зота Черина конечно скоро узналъ Алпатовъ; казнь и скорбь по товарищѣ служить толчкомъ для развитія его мстительности, предприимчивости и смѣлости. Съ начала 1846 года о Яшкѣ заговорили не только Наурцы, но почти вся Линія по Тереку. Его отчаянные, до дерзости смѣлые разбойничьи набѣги на нашу сторону доставили намъ очень много хлопотъ: только и было разговору про Яшку. Тамъ угналъ онъ табунъ лошадей, тамъ взялъ въ плѣнъ когонибудь. Не было отъ него житья. Зимой, когда хищникамъ трудно было найти мѣсто для ночлега, и лѣтомъ, когда Терекъ дѣлался полноводнымъ, про Яшку не было слышно. Зато весною и осенью работалъ Алпатовъ со своею шайкою во всю.

Иногда появлялся Алпатовъ въ станицѣ и одинъ. Надѣнетъ офицерскую форму и никто не подозрѣваетъ въ немъ разбойника. Лишь потомъ, когда уѣдетъ, начнутъ догадываться, кто былъ встрѣченный офицеръ. Много разъ прѣзжалъ онъ къ женѣ и только впоследствии, когда власти стали слѣдить за домомъ, прекратилъ Яшка свои посѣщенія.

Бывало, встрѣтитъ Алпатовъ какого-нибудь казака въ полѣ, остановитъ его и сейчасъ же спрашиваетъ: „Есть у тебя ружье?“ Было ружье, все сходило хорошо, развѣ отберетъ провизіи для шайки. Но не случись у встрѣченнаго ружья, приказывалъ Алпатовъ казака хорошенько отдрать, а потомъ говорилъ: „Это тебѣ за то, что ѣдишь безъ ружья. Теперь время опасное, а казакъ безъ ружья все равно, чѣмъ баба. Поѣдешь въ станицу скажи, что тебя высѣкъ Яшка“. Въ этой заботѣ о поддержаніи казачества крылась конечно глубокая иронія по адресу начальства, допустившаго паденіе военныхъ нравовъ, а также желаніе поднять духъ у тѣхъ, за которыхъ Алпатовъ отказался отъ вѣры и семьи, но которыхъ такъ любилъ послѣдній воровской атаманъ дѣйствительно вольныхъ Терскихъ казаковъ.

Къ убійствамъ Яшка прибѣгалъ лишь въ крайности, расправляясь съ сопротивлявшимися и спасая свою жизнь. Въ плѣнъ забиралъ только женщинъ и дѣвушекъ. Товаръ этотъ высоко цѣнился у Чеченцевъ: изъ Наурской станицы, съ хутора Атарщикова онъ увезъ въ плѣнъ двухъ родныхъ сестеръ Пятирублевыхъ, которыя и были отданы въ жены какимъ-то князьямъ. Впоследствии, когда кончилась война, онѣ, говорятъ, прѣзжали въ станицу, но остаться уже не захотѣли, а вернулись

*) Дѣло Войскового Дежурства 3 стола св. № 10 Дѣло № 190.

въ Чечню къ мужьямъ и дѣтямъ. На хуторѣ Голышева (ст. Ищерской) Алпатовъ взялъ въ плѣнъ казака Тарасова и его табунщика, Ногайца, а по дорогѣ въ дачахъ Наурской станицы захватилъ на полевыхъ работахъ двухъ дѣвокъ Екушевыхъ и повелъ ихъ въ плѣнъ. Но тревога уже поднялась, и на переправахъ засѣли казаки. Плѣнныхъ удалось отбить храброму сотенному командиру, Наурцу же, Андрею Димитріевичу Усачеву.

4.

Такъ гулялъ Алпатовъ больше десяти лѣтъ. Изъ многихъ его подвиговъ наиболѣе удалыхъ надо считать слѣдующій набѣгъ произведенный въ 1851 году*).

Шайка Алпатова переправилась черезъ Терекъ недалеко отъ Ищерской станицы и пошла къ Степанъ-Бугру. Тутъ наткнулась она на нѣсколько казачьихъ командъ, а въ томъ числѣ и на взводъ сотника Панченко, но ловко ускользнула, замѣтя слѣды, и появилась 3 Октября на рѣкѣ Кумѣ у песчаного брода, въ двухъ-стахъ верстахъ отъ Линіи по прямому направленію. Взявъ здѣсь въ плѣнъ губернскаго секретаря Буцевича, его воспитанника, переводчика, поручика Заустинскаго и убивъ нѣсколько челоуѣкъ прислуги, шайка круто повернула на Астраханскій трактъ, ограбила и убила 4-го Октября пятнадцать ловившихъ рыбу на озерѣ Калмыкъ. Затѣмъ 5-го Октября въ 11 часовъ дня между станціями Колпичевскою и Горькорѣченскою, Алпатовъ разграбилъ двѣ сошедшихся почты: Екатериноградскую и Астраханскую, захватилъ 37 тысячъ рублей, убивъ почтальона и двухъ конвойныхъ казаковъ. Совершивъ это злодѣяніе, партія встрѣтилась на дорогѣ съ Моздокскими Осетинами, слѣдовавшими на Серебряковскую пристань, и при перестрѣлкѣ одного тяжело ранила. Потомъ черезъ часъ шайка появилась на Горькорѣченской станціи и изрубила одного конвойнаго казака. Послѣ этого партія быстро пошла степью въ Гребенской полкъ, гдѣ и переправилась выше Щедрина, прежде, чѣмъ получено было на линіи извѣстіе о появленіи ея на Астраханскомъ трактѣ. Такимъ образомъ не болѣе, какъ въ 6-7 дней Алпатовъ прошелъ верстъ около семи сотъ, совершивъ настоящій рейдъ, цѣлью котораго было нападеніе на двѣ сошедшихся почты. Надо сознаться, что набѣгъ былъ прекрасно расчитанъ и отлично выполненъ.

Послѣ этого приходится вѣрить, что Шамиль цѣнилъ и особенно отличалъ Яшку за его удалъ.

*) Рапортъ к-ра Кизл. полка 14 Окт. 1851 г. № 460, Арх. Войскового Дежурства I-го стола Св. № 21—дѣло № 30.

Но къ 1855 году Алпатовъ началъ видимо уставать въ своей дѣятельности и вѣроятно разочаровался въ вольности, купленной такою дорогою цѣною, какъ отрѣченіе отъ вѣры, родины и семьи. Вышедшіе изъ плѣна не разъ видѣли Яшку, и онъ имъ каялся, что надоѣло уже проливать Христіанскую кровь, что очень скучаетъ „по своимъ“, но, что вернуться на родной Терекъ конечно онъ не можетъ, такъ какъ его несомнѣнно разстрѣляютъ. Бѣжавшій изъ плѣна солдатъ, говорившій съ Яшкою незадолго, передавалъ, что Алпатовъ былъ очень мраченъ, ни съ кѣмъ не разговаривалъ, часто глядѣлъ на нашу сторону за Терекъ; разъ-же, когда горцы ушли, долго спрашивалъ про Русскихъ, про ихъ намѣренія. Солдатъ не желая выдавать своихъ, прикусилъ языкъ. Тогда Алпатовъ потрепалъ его по плечу и сказалъ: „Молодецъ, хороший солдатъ. Вотъ ты въ плѣну, а куда счастливѣе меня! Тебя обмѣнять на плѣннаго Чеченца, или ты убѣжишь и вернешься къ своимъ, а я.....“, и слезы показались на суровыхъ глазахъ Алпатова.

5.

Съ весны 1856 года не проходило недѣли, чтобы на линіи не поднималась тревога. Приходилось на ночь или въ станицу ѣхать, или собираться для ночлега въ полѣ таборомъ въ нѣсколько десятковъ повозокъ.

Осенью разнесся вдругъ слухъ, что поймали Яшку. Но этому никто не повѣрилъ.

На этотъ разъ слухи оказались однако вѣрными. Яшку не только поймали, а онъ почти добровольно сдался самъ въ руки.

15-го Марта 1856 г. рано утромъ, командиръ Моздокскаго полка подполковникъ Іедлинскій получилъ извѣстіе изъ Ногайскихъ ауловъ съ Копани Корнѣева, въ 45 верстахъ отъ Наура, что хищники отбили нѣсколько десятковъ лошадей и, взявъ въ плѣнъ двухъ Ногайцевъ, потянулись къ Моздоку. Сообразивъ, что это дѣло рукъ Алпатова, Іедлинскій принялъ мѣры предосторожности на Терекъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ послалъ въ степь нѣсколько командъ казаковъ, изъ которыхъ одна къ вечеру открыла шайку около Камышева Ильменя, отбила взятыхъ въ плѣнъ вожаковъ-Ногайцевъ и четырехъ лошадей и завязала перестрѣлку. Однако наступившая ночь прекратила дальнѣйшія дѣйствія.

Хищники, видя совершенную невозможность углубляться далѣе въ степь на грабежи, повернули къ Тереку. Послѣ перестрѣлки подъ Алпатовымъ стала лошадь и была брошена въ степи. Тогда онъ пересѣлъ на Ногайскаго коня, и партія стала переправляться черезъ рѣку между станицею Мекенскою и хуторомъ Савельевскимъ. Но тутъ у

Яшки загрузла лошадь въ тинѣ. Когда всё усилія выгнать ее оказались безуспѣшными, Алпатовъ сказалъ: „Бѣжайте и дожидайтесь меня на томъ берегу, а я пойду на постъ и достану себѣ лошадь. Если же черезъ часъ меня не будетъ, знайте, что Яшку поймали“. Сколько ни уговаривали сподвижники своего атамана взять чью нибудь лошадь, Алпатовъ не согласился. Не захотѣлъ онъ также исполнить и настойчивое требованіе шайки взять съ собою нѣсколькихъ человѣкъ. Постъ, куда направился Яшка, назывался Рыночнымъ и находился между Мекенской станицею и Савельевскимъ хуторомъ, около того мѣста, которое извѣстно у жителей подъ названіемъ „Дурного переѣзда“.

Появленіе Яшки было совершенно неожиданно. На разсвѣтъ къ начальнику поста урядн. Цымлянскому прибѣжалъ дневальный: „У насъ въ конюшнѣ Алпатовъ!“ Урядникъ въ одномъ бешметѣ вскочилъ съ постели, схватилъ ружье и выскочилъ на дворъ. Поставивъ трехъ казаковъ въ воротахъ, на единственномъ пути отступленія Яшки, Цымлянской побѣжалъ въ конюшню. Яшка, съ головы до ногъ увѣшанный оружіемъ, стоялъ около засѣдланной лошади. Увидѣвъ урядника, онъ даже не пошевелинулся, а только сказалъ: „Здравствуй, Цымлянской!“ Однако ты, братъ счастливый, что тебѣ, а никому другому пришлось поймать Яшку. Стало быть, твое счастье!“

Когда начальникъ поста направился впередъ, воровской атаманъ жестомъ остановилъ его. И немного подумавъ, Алпатовъ бросилъ въ сторону далеко отъ себя ружье, пистолеть, снялъ кинжалъ и шапку и положилъ ихъ въ кучу. Потомъ, заложилъ руки назадъ, подошелъ къ Цымлянскому и сказалъ: „А теперь—вяжи меня“. Потомъ оказалось, что Яшка имѣлъ полную возможность бѣжать. Но очевидно онъ самъ рѣшилъ свой послѣдній часъ. Связаннаго по рукамъ и ногамъ Алпатова доставили на полковую гауптвахту въ Науръ. Тутъ его судили военнымъ судомъ, затѣмъ перевезли въ кр. Грозную; приговоръ же представили по начальству на конфирмацію главнокомандующему.

6.

17 Декабря 1856 года по Кавказскому Линейному войску былъ отданъ слѣдующій приказъ *).

„Казакъ Моздокскаго казачьяго полка Яковъ Алпатовъ по произведенному надъ нимъ военно-судному дѣлу, по полевымъ уголовнымъ законамъ, оказался виновнымъ: Во второмъ побѣгѣ съ оружіемъ къ непокорнымъ горцамъ; участіи съ ними въ военныхъ дѣйствіяхъ про-

*) Арх. Войск. Деж. св. № 43—дѣло № 786 (1-го стола).

тивъ своего отечества, въ отступленіи отъ православной вѣры въ Магометанство; ограбленіи почты, разныхъ хищничествахъ, участіи въ убійствахъ, нападеніи на безоружныхъ жителей, женщинъ п дѣтей; уводѣ ихъ въ плѣнъ лично и съ партіями, въ которыхъ бывалъ зачинщикомъ, и шпіонствѣ. А потому г. главнокомандующій корпусомъ подтверждалъ: подсудимаго Алпатова казнить смертію-разстрѣлять, что привести въ исполненіе на мѣстѣ прежняго жительства его въ станицѣ Наурской“.

Алпатова перевезли „за самострожайшимъ карауломъ“, закованнаго въ Науръ, а 24 Декабря публично разстрѣляли въ 8 часовъ утра съ соблюденіемъ всѣхъ правилъ предписанныхъ для этой казни *).

Посмотрѣть, какъ будутъ казнить Яшку, собралась толпа въ нѣсколько тысячъ человекъ.

Изъ окрестныхъ станицъ пріѣхали все, кто могъ. Повезли Яшку. Впереди шелъ взводъ казаковъ, за ними на арбѣ со связанными руками и съ кандалами на ногахъ сидѣлъ Яшка, сзади шло прикрытіе, а далѣе ломилась толпа. Смотря на Яшку, трудно было себя представить, что его везутъ на казнь: по крайней мѣрѣ по лицу этого замѣтно не было. Онъ шутилъ, смѣялся, узнавалъ станичниковъ, перебрасывался съ ними словами и говорилъ: „Простите станичнички за все, что я вамъ сдѣлалъ дурного. Вынужденъ былъ къ тому. Теперь успокойтесь, сегодня Яшки не будетъ“. Бабы хныкали.

Печальная процессія остановилась у мѣста, назначеннаго для казни. Твердо сошелъ Яшка съ арбы. Прочитали приговоръ. Привели священника, но Яшка не захотѣлъ у него исповѣдаться. Когда все предварительныя распоряженія были окончены, Яшка благодарилъ князя Барятинскаго за милость быть разстрѣляннымъ, а не повѣшеннымъ, а затѣмъ по чеченски просилъ Чеченскихъ депутатовъ похоронить тѣло его въ аулѣ. И говорилъ такъ спокойно, будто на свадьбу собирался. Потомъ, поклонившись народу на все стороны, онъ поднялъ глаза къ небу и произнесъ какую-то краткую молитву. Затѣмъ смѣло подошелъ къ столбу, около котораго была вырыта яма и остановился.

Послѣднею его просьбою было, чтобы не завязывали глазъ и чтобы разстрѣливали свои станичники. „Хочу встрѣтить смерть съ открытыми глазами и прошу цѣлиться вѣрнѣе, и бейте безъ промаху“.

Поступили конечно по закону: завязали глаза, а для разстрѣливанія назначили взводъ солдатъ. Подали знакъ. Прогрѣмѣли барабаны. Тишина наступила большая. Раздалась команда, и сухой залпъ нѣсколькихъ ружей.

*) Рапортъ полковника Гедлинскаго, Арх. Войск. Деж. 3-го стола, св. № 21—дѣло № 541.

Много надѣлалъ бѣдъ Яковъ Алпатовъ; преступникъ онъ былъ большой, но казаки понимали теченіе его мыслей и всю его психологию. До сихъ поръ среди Терскихъ казаковъ ясно живетъ воспоминаніе объ Алпатовѣ и передаются положительныя стороны его характера: смѣлость, удалъ, храбрость, великодушіе и мужество, съ которымъ Яшка встрѣтилъ смерть. Въ народѣ живетъ слѣдующая пѣснь:

Разудалый сиротина
 Вздумалъ въ горы убѣжать.
 Тамъ скорѣй придетъ кончина,
 А чего же больше ждать?
 Лишь вотъ только проберуся
 Черезъ Терекъ и лѣса,
 Предъ Аллахомъ поклонюся.
 И взгляну на небеса,
 Прійму вѣру ихъ, Пророка,
 Ихъ догматамъ научусь,
 А потомъ веленьемъ рока
 Воровать съ ними пушусь

.....
 На линіи, гдѣ Терекъ льется
 Широко лѣтнею порой,
 Чеченцамъ рѣдко удается
 Переправляться на разбой.
 Но осенью всегда глубокой,
 Не-то зимой, какъ станетъ ледъ,
 Они съ рѣшимостью жестокой
 Берутъ людей и гонять скоть.

.....
 Здѣсь начальнички такіе:
 Замѣчаютъ, когда пью,
 А не видятъ въ дни другіе,
 Какъ безпрестанно слезы лью.

7.

Теперь, надо сказать нѣсколько словъ о судьбѣ сподвижниковъ Алпатова. Про участь Зота Черина было уже сказано.

Иванъ Фроловъ въ концѣ 1842 года совершилъ третій набѣгъ на линію съ двумя Чеченцами и Михѣемъ Гуляевымъ, переправившись черезъ Терекъ у поста Коровина. До слѣдующаго дня партія скрывалась въ лѣсу противъ Червленной, затѣмъ захватила лошадь, пасшуюся на опушкѣ. Тутъ встрѣтилъ Фроловъ станичника, казака Бѣляйкина съ женою и, не вытерпѣвъ, предупредилъ ихъ объ опасности. Вслѣдствіе этого вскорѣ раздался тревожный звонъ колоколовъ. Шайка

бросилась бѣжать врознь. Фроловъ направился въ степь и былъ тутъ казаками схваченъ. Въ Декабрѣ 1842 года Фроловъ разстрѣлянъ въ Червленной.

Наумъ Вавиловъ въ Маѣ 1845 года съ Тимофеемъ Свиткинымъ, двумя бѣглыми солдатами Лариономъ и Мустафою и Чеченцемъ Садулою отправились на хищничество и переправились черезъ Терекъ между Щедриномъ и Амиръ-Аджи-Юртомъ. Скрывшись въ огородахъ они стали дожидаться времени, когда мимо нихъ погонять скотъ, намѣреваясь отбить нѣсколько головъ. Однако день прошелъ, а скота не прогоняли. Тогда рѣшили ждать вечера, а пока что послали въ Амиръ-Аджи-Юртъ рядового Лаврентія Александрова купить хлѣба. Бѣглаго солдата узнали и поймали. Тогда Александровъ для спасенія своей участи согласился выдать товарищей. Начальникъ Амиръ-Аджи-Юртовскаго укрѣпленія капитанъ Фленсъ и Хорунжій Богдановъ съ командою пѣхоты и 14-ю внутренно-служащими казаками прибыли къ огородамъ и окружили шайку. Бѣглые оказали упорное сопротивленіе. Вавиловъ былъ взятъ въ плѣнъ. Свиткинъ же, сдѣлавъ съ товарищами своими залпъ, успѣлъ пробиться и скрылся въ лѣсу.

Раненый Вавиловъ былъ доставленъ въ госпиталь и затѣмъ по суду разстрѣлянъ.

Михѣй Гуляевъ (Корчагинъ) свирѣпствовалъ до 1854 года, когда попался въ руки Русскихъ властей. Какимъ образомъ его захватили, пока въ архивахъ свѣдѣній не найдено. Извѣстно только, что, признанный виновнымъ во второмъ побѣгѣ къ горцамъ, въ принятіи Магометанства и другихъ преступленій, онъ какъ измѣнникъ „для страха и примѣра другимъ былъ повѣшенъ въ началѣ 1857 года“.

Свиткина имя попадаетъ въ сороковыхъ годахъ, затѣмъ о немъ ничего больше неизвѣстно. Трудно предположить, чтобы онъ добровольно отказался отъ хищничества, близости съ покинутымъ домомъ и удалился-бы въ Персію или Турцію. Вѣрнѣе всего, онъ палъ въ какой-нибудь стычкѣ отъ казачьей пули и преданъ былъ землѣ чужой.

Феодоръ Чернозубовъ.

